

ИСТОРИОГРАФІЯ.

(Матеріалы для теоріи Словесности).

Искусство писать историческія сочиненія имѣетъ также свою исторію. Такая исторія называется *исторіографіею*. Начиная просматривать исторіографію, мы сразу встрѣчаемся съ великими образцами. Эти образцы явились въ той странѣ, гдѣ роскошно развились всѣ литературныя формы, — въ древней Греціи. Первый историкъ, котораго мы знаемъ цѣликомъ, называемый обыкновенно отцемъ исторіи, былъ *Геродотъ*. Онъ жилъ въ V ст. до Р. X. Въ своемъ разсказѣ Геродотъ имѣетъ тѣ блестящія стороны, которымъ стараются только подражать даже въ наше время. Геродотъ описываетъ самое знаменательное время Греческой исторіи, пользуясь всякимъ случаемъ прибавить къ своему разсказу событія всѣхъ другихъ странъ, ему извѣстныхъ. Его исторія поэтому можетъ назваться не *частною* исторіею, а *всеобщею*. Особые достоинства, принадлежащія только ему одному, заключаются въ необыкновенной простотѣ разсказа, въ законченности, въ драматизмѣ изложенія, въ высокой художественности. Онъ собираетъ всѣ преданія, какія только могъ слышать въ продолженіе своей странствующей жизни, излагаетъ эти преданія съ какою-то наивностью, что однакоже не мѣшаетъ ему критически относиться къ

нимъ. Нельзя не видѣть также стремленія къ поучительности, къ наставленію политической мудрости, нельзя не видѣть желанія возбудить патріотизмъ и любовь къ родинѣ, той прекрасной Элладѣ, которая дала міру столько великаго. Этотъ дидактическій характеръ особенно просвѣчивается у другаго, столь же знаменитаго историка, который можетъ быть названъ ученикомъ Геродота, именно у *Фукидида*. Фукидидъ слушалъ Геродота на Олимпійскихъ играхъ; онъ былъ свидѣтелемъ его триумфа; онъ видѣлъ этотъ энтузіазмъ, которымъ привѣтствовали Греки своего національнаго поэта-историка. Фукидидъ созрѣлъ въ ту эпоху, когда духовная жизнь Эллады достигла высшей степени развитія. Нѣсколько городовъ одолѣло всю Азію. Десятки тысячъ свободныхъ Грековъ прогналъ миллионы рабовъ. Въ народѣ явилось сознаніе своего могущества. Новому историку предстояло поддержать это сознаніе и указать средства для того. Фукидидъ учитъ грековъ, что только одна демократическая свобода и одинъ патріотизмъ удержитъ ихъ на высотѣ могущества; вражда между партіями и городами должна быть устранена; съ горькимъ чувствомъ онъ описываетъ раздоры Грековъ, выразившіеся въ Пелопонезской войнѣ; эта война и составляетъ предметъ его изложенія. Онъ предостерегаетъ Грековъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ тѣхъ людей, которые готовы воспользоваться безпорядками и враждою партій, какъ напр. отъ Перикла. Кромѣ политическаго характера, онъ имѣетъ еще высказать другое: «Я буду удовлетворенъ, говоритъ Фукидидъ, если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что по ходу человѣческихъ дѣлъ можетъ повториться снова.» Такимъ образомъ изъ исторической жизни Фукидидъ почерпаетъ общіе законы политическаго развитія. Ему не приходится сообщать басни и преданія: Геродотъ—разсказчикъ, а Фукидидъ политическій наставникъ и мудрецъ; въ этомъ ихъ различіе. Геродотъ говоритъ: «я долженъ сообщать то, что говорятъ другіе, но вѣрить не всему долженъ;» Фукидиду не приходится ничего сооб-

щать со словъ другихъ: онъ былъ не только современникомъ, но даже дѣтелемъ въ описываемыхъ событіяхъ. Ограниченность предмета, какъ исторія одной войны, даетъ ему возможность *художественнаго* исполненія въ своемъ произведеніи, т. е. стройнаго въ частяхъ, законченнаго и въ цѣломъ, и въ частностяхъ; тутъ нельзя ничего ни выкинуть, ни прибавить. Понимать Фукидида не такъ легко, намъ Геродота. Послѣдняго пойметъ одинаково и ребенокъ и взрослый; чтобы читать Фукидида, надо быть достаточно подготовленнымъ и высоко-развитымъ, если хочешь исчерпать его до мелочей. Основательность изслѣдованія, вѣрность въ сужденіяхъ, сила изображенія, высота мысли и отчетливость характеристикъ даютъ Фукидиду право быть всегда образцомъ для историка.

Слѣдующіе писатели имѣютъ извѣстныя цѣли; они люди партій, т. е. тенденціозны; каждый хочетъ прославить что-нибудь любимое. Таковъ, напр. *Ксенофонтъ*, преемникъ Фукидида. Онъ весь за спартанское государственное устройство, тогда какъ Геродотъ и Фукидидъ безразлично относились ко всякому греку. Ксенофонтъ продолжалъ исторію Пелопонезкой войны, которую Фукидидъ не успѣлъ кончить; онъ описалъ также жизнь Агезилая и знаменитое отступленіе десяти тысячъ Грековъ (*Ἀνάβασις*); извѣстенъ также его историко-педагогическій романъ Киропедія. Ксенофонтъ далеко не достигаетъ высоты Фукидида; у него нѣтъ широкаго государственнаго взгляда его предшественника и пластическомъ опредѣленности его образовъ; за то въ стилистическомъ отношеніи онъ безукоризненъ *).

Римляне имѣли другія цѣли и въ своей жизни, и въ своей литературѣ, чѣмъ Греки. Исторія, по словамъ Цицерона, должна быть *magistra vitae*; она должна да-

*) Изъ позднѣйшихъ греческихъ историковъ замѣчательнъ *Плутархъ* (50—120 по Р. Х.). Знаменитыя «Сравнительныя жизнеописанія» сдѣлали Плутарха и въ новомъ мірѣ однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей.

вать запасъ знаній гражданину и государственному человеку; историческія произведенія оцѣниваются съ точки зрѣнія полезности; самый слогъ ихъ долженъ побуждать на героизмъ, на военные подвиги; онъ долженъ дѣлать Муціевъ, Коклесовъ, Деціевъ. Всѣмъ этимъ условіямъ въ высшей степени удовлетворилъ *Титъ Ливій* (род. въ 59 г. до Р. Х.); онъ можетъ быть названъ воплощеніемъ римскихъ цѣлей въ литературѣ. До насъ, къ сожалѣнію, дошла только четвертая часть его сочиненій (мы имѣемъ книги 1—10 и 21—45, отрывокъ изъ кн. 91 и 120). Древнія римскія преданія удались ему болѣе всего. Здѣсь изложеніе Ливія доходитъ до пафоса; такая поэтичность изложенія была одною изъ причинъ, что эти преданія стали отвергать въ настоящее время (Нибуръ и Моммсенъ). У всѣхъ классическихъ историковъ было принято влагать въ уста дѣятелей рѣчи для того, чтобы заставить читателя забыть отдаленность дѣйствія; такой пріемъ придаетъ драматичность изложенію; читатель можетъ какъ бы видѣть дѣйствіе передъ глазами. У Ливія рѣчи составляютъ лучшую сторону его исторіи; въ особенности красота ихъ и вѣрность поражаетъ при описаніи свиданія Аннибала и Сципіона передъ битвой при Замѣ. Римская честность заставила Ливія отдать должное заклѣтому врагу его родины—Аннибалу. Ливій принадлежитъ къ золотому вѣку римской литературы, куда относятся также не менѣе извѣстные *Саллюстій* и *Цезарь*. Оба послѣдніе радикально различаются и способомъ и цѣлями изложенія. Саллюстій преслѣдуетъ свою личную цѣль. Развращенный въ душѣ, онъ хочетъ перейти и въ потомство съ именемъ обличителя разврата. Въ описаніи *Югуртинской войны* и *возмущенія Катилины* онъ бичуетъ своихъ современниковъ, постоянно указываетъ имъ на принципъ истинно-римскаго характера, древнюю римскую доблесть (*virtus*), вмѣщавшую въ себя все добродѣтели, когда самъ былъ казнокрадомъ и глубоко-порочнымъ. Саллюстій изобразилъ грустныя сцены по-видимому блестящаго періода римской славы. Его изложеніе отличается еврипидовскою мыслию и художественностью; относитель-

но отдѣлки онъ безукоризненъ: его энергическая краткость стиля поразительна. Если Ливій—пѣвецъ римской старины, то Саллюстій—замѣчательный мыслитель.—Цезарь оставилъ свои записки «О Галльской войнѣ», послужившія образцомъ всѣхъ позднѣйшихъ записокъ и мемуаровъ. Въ этомъ сочиненіи знаменитый полководецъ въ ясномъ разсказѣ описываетъ то, что онъ видѣлъ самъ или слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, или что онъ самъ сдѣлалъ. Записки Цезаря отличаются необычайною простотою, ясностью и легкостью слога.—Гораздо глубже и важнѣе для исторіографіи является въ своихъ историческихъ произведеніяхъ *Корнелій Тацитъ* (I. в. по Р. Х.). Онъ засталъ въ Римѣ вѣкъ политѣйшаго разврата. Тираны сидѣли на тронѣ. Старыя преданія рушились. Міру предстояла одна надежда на исцѣленіе съ Сѣвера; тамъ жило невѣдомое племя; о германцахъ доходили до Римлянъ темныя, но страшныя слухи. Тацитъ остановилъ на нихъ свои взоры. Ему казалось, что лишь ими можно утѣшить падающее римское общество. Его монографія: «О нравахъ и обычаяхъ Германцевъ» преслѣдуетъ исключительную цѣль сатиры на римскую жизнь; прославляя ихъ, онъ укоряетъ своихъ соотечественниковъ. Но у него благородная ненависть къ своимъ чередуется съ высокою любовью. Нашъ родной историкъ, незабвенный Грановскій, говорилъ, что послѣ Шекспира никто не можетъ доставить такого удовольствія, какъ Тацитъ. Почти тотъ же характеръ, какъ и въ монографіи о Германцахъ, хотя и не съ такой рѣзкостью, отражается на двухъ остальныхъ произведеніяхъ Тацита: Исторіи Римскаго народа (*Historiarum, libri 5*; здѣсь описаны римскія событія отъ Галбы до Домиціана) и *Лѣтописяхъ* (*Annales, 16* книгъ, не сохранившихся вполнѣ—время отъ смерти Августа до Нерона), а также и на *біографіи Агриколы* (*Vita Julii Agricolae*). Всѣ эти сочиненія направлены противъ тираніи императоровъ, въ которыхъ Тацитъ не хотѣлъ видѣть ничего инаго, какъ похитителей старой римской свободы.—Шерръ такъ характеризуетъ Тацита: «Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ онъ обнаруживаетъ умъ

въ высшей степени самостоятельный, сильный и вооруженный всеми сокровищами образованности своего времени,—великую римскую душу, которая пророчески видит приближающуюся гибель Рима и съ строгой справедливостью судить причины и виновниковъ этой грозной участи. «Римскія исторіи» Тацита, столько же истинныя, сколько и поэтичныя, представляютъ какъ будто патріотическую элегію на паденіе міродержавнаго города; въ нихъ горитъ пламя сдержаннаго гнѣва, которое даетъ поразительное освѣщеніе изображаемымъ событіямъ.

За Тацитомъ идутъ его подражатели; они стараются поддѣлаться подъ его чувство, подъ его слогъ, но далеко безуспѣшно. Наконецъ, языческая ненависть къ христіанству уступаетъ мѣсто богословскимъ историческимъ произведеніямъ. Античные писатели, хранители древняго духа, мало-по-малу исчезаютъ. Среди разрушенія всего стараго, являются историки съ исключительно христіанскимъ характеромъ. IV и V вѣка служатъ переходомъ къ средневѣковой исторіографіи. Мы видимъ много уродливыхъ явленій, пока смѣсь старой философіи и христіанской догматики перерождается въ теплую вѣру, въ задушевную сердечность средневѣковыхъ монаховъ—хронистовъ. Монастыри служатъ свѣточами образованія и знаній. На всю средневѣковую эпоху ложится этотъ характеръ. Искренняя вѣра въ то, что пишетъ монахъ, составляетъ достоинство его произведеній; чѣмъ болѣе этой вѣры, тѣмъ лучше; всякая примѣсь стараго, не идущаго къ дѣлу, только наполняетъ хронику ненужными разсказами изъ міеологіи, грудю лишннихъ античныхъ именъ. Мученики, чудеса, проповѣди, видѣнія, изцѣленія, мощи, участіе Всевышняго, Дѣвы Маріи, Святыхъ въ мірскихъ дѣлахъ, молитвы, ихъ чудодѣйственная сила, надежда на заступничество Божіе, равенство всѣхъ во имя Христово,—вотъ канва хроникъ начала среднихъ вѣковъ до появленія рыцарства. Подъ именемъ исторіи разумѣтся лишь церковная исторія; все прочее лишь вращается около нея; дѣла свѣтскія безконечно ниже по интересу,

чѣмъ дѣла духовныя. Таковы труды: *Григорія Турскаго* (540—594), *Бэды Преподобнаго* (673—731), *діакона Павла* (род. около 730 г.), *Исидора Севильскаго* (VI в.). Рѣдкость грамотности дѣлаетъ составителей ихъ въ глазахъ современниковъ людьми, награжденными мудростью свыше; ихъ считаютъ святыми, на что даетъ право дѣйствительная чистота ихъ жизни.

Появленіе рыцарства измѣняетъ характеръ хроникъ. Для этой эпохи образцами могутъ служить испанскія хроники. Составители ихъ уже не одни монахи. За это дѣло берутся часто сами рыцари. Они вносятъ въ лѣтописи новый духъ. Вся средневѣковая исторія Испаніи посвящена борьбѣ съ мусульманами за христіанство; эта борьба развила героизмъ въ испанцахъ, сознаніе своего превосходства, кастильской гордости, что однако же не мѣшаетъ преданности рыцарственнымъ королямъ. Эти мотивы составляютъ основу лѣтописей. Вѣчная опасность развила боевую простоту даже въ слогѣ. Разсказъ простъ, интересенъ, какъ нашъ романъ. Разнообразныя приключенія увеличиваютъ его интересъ; наивность изложенія напоминаетъ красоту Геродота; разсказывается съ любовію къ дѣлу, какъ бы авторъ былъ самъ очевидцемъ событій. Выше всѣхъ лѣтописцевъ являются: *Айала*, *Гернандо дель Пулларъ* и *Гуртадо де Мондозо*. Ихъ сравниваютъ съ Ливіемъ. Французскіе лѣтописцы этого времени трескучи и ихъ весьма немного. Можно упомянуть о *Фруассарѣ* (1337—1401), описывавшемъ англо-французскія войны. Вообще въ послѣдній періодъ среднихъ вѣковъ политическій характеръ лѣтописей преобладаетъ надъ церковнымъ.

Въ эпоху Возрожденія наукъ и искусствъ явилось стремленіе подражать древнимъ образцамъ; въ литературу проникли республиканскія понятія и болѣе всего имъ было удобнѣе развиваться на классической, свободной землѣ Италіи. Историческія произведенія стали читаться публично на площадяхъ и въ народныхъ собраніяхъ

итальянскихъ городовъ, какъ Геродота на Олимпійскихъ играхъ. Почти каждый городъ имѣлъ своего историка. Одобреніе согражданъ было наградою лѣтописцу. Надо сожалѣть только, что большая часть лѣтописей, подъ вліяніемъ классицизма, писалась на Латинскомъ языкѣ. Первою хроникой на Итальянскомъ языкѣ была лѣтопись *Спинелли* (XIII в.).

Хронисты Возрожденія составляютъ переходъ къ историографіи новаго времени, которая развилась подъ вліяніемъ идей каждаго вѣка; что болѣе всего занимало современниковъ, подъ вліяніемъ того и писалъ историкъ. Такъ явилась исторія съ богословской точки зрѣнія, съ юридической, съ философской. Съ богословской точки смотрѣлъ на исторію *Боссюэтъ* (XVII в.), съ юридической *Гуго Гроцій* (XVII в.), съ философской *Вико* (1668—1744), *Гердеръ* (1744—1803), *Гегель* и *Бокль* (1823—1862). Историки-философы ищутъ общихъ законовъ человѣческаго развитія; какъ человѣчество развивалось прежде, такъ оно будетъ идти всегда; они предсказываютъ, что будетъ съ государствомъ, что ожидаетъ народъ впереди. Книга *Вико*, подъ заглавіемъ: «Начало Новой Науки по отношенію къ природѣ народовъ», вышедшая въ 1725 году, впервые высказала эту мысль.

Кромѣ философской школы въ настоящее столѣтіе возникла въ Германіи школа историческая. Она требуетъ строгаго изслѣдованія источниковъ для разсказа, прежде чѣмъ приступать къ повѣствованію. Ненадежныя, подозрѣваемые въ пристрастіи лѣтописи отвергаются; берется только то, что достовѣрно, и на этомъ достовѣрномъ строится разсказъ. За отдѣлкой изложенія не гонятся, требуется только истина. Слѣдовательно, это скорѣе матеріалъ для исторіи въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали древніе. Поэтической стороны, дающей изящное изложеніе, здѣсь нѣтъ. Основателями этой школы могутъ почестся *Нибуръ*, разработавшій Римскую исторію, въ которой онъ отвергнулъ всѣ легенды *Тита Ливія*, и

Шлоссеръ, по источникамъ пересмотрѣвшій всю всемірную исторію. Почти всѣ нынѣшніе нѣмецкіе писатели принадлежатъ къ этой партіи. У насъ ей слѣдуютъ спеціальныя изслѣдователи, которые занимаются какимъ-нибудь частнымъ вопросомъ, или изученіемъ жизни одного лица. «Исторія Россіи» *Соловьева* написана по этому критическому способу.

Гораздо выше стоятъ писатели художественной школы, которая возвратилась къ образцамъ древнихъ. Послѣдователи ея соединяютъ въ себѣ строгое изученіе источниковъ и всѣхъ вещественныхъ памятниковъ съ увлекательностью и красотою изложенія. Школа эта основана *Огюстеномъ Тьерри*, (1795—1856) который знаменитъ своей «Исторіей» завоеванія Англіи Норманами и «Разсказами о временахъ Меровинговъ.» Часто слова лѣтописца вносятся въ разсказъ цѣликомъ, чѣмъ придается особая естественность повѣствованію. Дѣйствующія лица говорятъ тѣмъ языкомъ, какимъ они говорили передъ современниками. Они какъ бы цѣликомъ перенесены въ наше время; они живутъ чувствуютъ какъ бы передъ нашими глазами. Англійскіе историки послѣдняго времени почти всѣ слѣдуютъ этимъ правиламъ. Такъ *Прейскоттъ* въ «Исторіи Филиппа II Испанскаго,» *Вашингтонъ Ирвингъ* въ «Исторіи Магомета» и «*Колумба*,» *Мотлей* въ «Исторіи Голландіи.» Но гениальнѣйшимъ представителемъ художественныхъ историковъ признается по всей справедливости *Лордъ Маколей* (1800—1859). У него лица и событія облачаются въ плоть и кровь. Ихъ побужденія, страсти, привычки, дѣйствія совершаются передъ глазами; читатель дѣлается зрителемъ; онъ волнуется за героевъ, онъ готовъ принять участіе въ событіяхъ, какъ бы они ни были отдаленны. Маколею помогли въ достиженіи великой цѣли его поэтическія способности, но главнѣйшимъ образомъ богатое знаніе классическихъ писателей всѣхъ родовъ литературы. Онъ зналъ наизусть по главамъ и стихамъ классиковъ на Греческомъ, Латинскомъ и Итальянскомъ языкахъ. Въ Маколей современная

исторіографія достигаетъ своего апогея. Его «Исторія Англіи» (за конецъ XVII и первые годы XVIII вѣка) можетъ назваться національной эпопеей. Это поэзія вмѣстѣ съ достовѣрностью исторіи, изслѣдованной также критически. Шерръ высказываетъ по поводу этого произведенія такія мысли: «Владѣя талантомъ поэтической живописи, какъ В. Скоттъ, Маколей изображаетъ намъ англійскую жизнь этого времени на всѣхъ ея ступеняхъ и въ ея историческомъ развитіи, заставляетъ и говорить и дѣйствовать передъ нами, страдать и бороться, интриговать и молиться, и даже ѣсть, пить и веселиться. Все здѣсь живетъ и движется, и мы знакомимся самымъ короткимъ образомъ съ историческими мотивами и личностями. Группировка матеріала, гармонія свѣта и тѣни въ изображеніи, живой рассказъ, все это производитъ эстетическое удовольствіе, которое возвышается еще тѣмъ, что мы вездѣ чувствуемъ, что здѣсь говоритъ не бездушный и холодный дипломатъ, а многоопытный патріотъ и государственный человѣкъ.»

У насъ къ этой школѣ принадлежитъ: *Карамзинъ, Грановскій, Кудрявцевъ* (Римскія женщины по Тациту), *Костомаровъ* и *Бабстъ* (Государственные мужи въ Греціи въ эпоху ея распаденья).

Н. Ш.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

МАКСА МЮЛЛЕРА.

(Продолженіе и окончаніе 6-й лекціи.)

Мы видѣли въ послѣдней лекціи, съ какою правильною каждому греческому *d* соответствуетъ въ Англо-Саксонскомъ *t*, а каждому *k* — *h*; отсюда *taeher* = *dákrū*. Равнымъ образомъ никакой трудности не представится въ приведеніи французской формы *largue* къ латинской *larguma*. Тутъ возникаетъ вопросъ: не сродны ли между собою формы *dákrū* и *larguma*? Позднѣйшій словообразователь та въ словѣ *larguma* легко объяснить: мы получаемъ такимъ образомъ двѣ формы, греческую и латинскую — *dákrū* и *largu*, различія между собою лишь начальными звуками. Но здѣсь одинъ фонетическій законъ долженъ устранить и это послѣднее различіе: *d*, произнесенное вяло, безъ особеннаго напряженія, легко можетъ ослабиться въ *l*. *Dákrū* поэтому можетъ явиться въ формѣ *largu*, а обѣ формы могутъ быть произведены отъ корня *dak* — кусать¹⁵⁾. Впрочемъ никогда не нужно забывать, что хотя первичное *d* и могло ослабиться въ *l*, *l* въ Арійскихъ языкахъ ни въ какомъ случаѣ не могло перейти въ *d*, и считать эти два звука способными переходить другъ-въ-друга было бы большою ошибкою.

Слѣдующая таблица представляетъ сводъ нѣсколькихъ формъ, происшедшихъ отъ латинскаго предлога *ante*.

¹⁵⁾ См. статью М. Мюллера въ «Zeitschrift» Kuhn'a, V, 152. Pott, Etymologische Forschungen, II, 58—60, 442, 450.

ANTE, предъ, прежде.

Итал. anzi; Испан. antes; древне-Франц. аня, аинс (ainsné=ainé, старшій).

ANTE IPSUM.

Итал. anziano; исп. anciano; фр. ancien, древній.

ABANTE,

Ит. avanti, Фр. avant, впередъ, прежде;
Ит. avanzare; Исп. avanzar; Фр. avancer, выдвигать.
Ит. vantaggio; Исп. ventaja; Фр. avantage, выгода.

DEABANTE.

Ит. davanti; Фр. devant, прежде.
Фр. devancer, выступать.

Если вмѣсто латинскаго возьмемъ санскритское слово и прослѣдимъ его во всѣхъ его превращеніяхъ отъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ, то мы не менѣе ясно увидимъ, какъ одно и то же слово неизбѣжно принимаетъ различныя формы въ различныхъ нарѣчіяхъ.

Зубъ по-санскритски будетъ dat (имен. dantah, по род. отъ другой основы datah). То же самое слово въ Латинскомъ языкѣ является въ видѣ dens, dentis, въ Готскомъ ему соотвѣтствуетъ tunthus, въ Англійскомъ—tooth, въ современномъ Нѣмецкомъ языкѣ—Zahn. Всѣ эти измѣненія обусловлены извѣстными законами, и было бы не слишкомъ много сказать, что общее слово, означающее зубъ, едва-ли могло явиться въ различныхъ языкахъ въ иной формѣ, кромѣ той, въ какой мы его дѣйствительно находимъ въ нихъ. Ногреческое odús, odóntos, то ли же самое это слово, что и латинское dens? И эти формы, греческая odóntes и латинская—dentes, простыя ли это видоизмѣненія формъ edontes и edentes (т. е. ѣдящіе)? Я готовъ допустить въ этомъ случаѣ, что о въ odóntes есть простой звуковой наростъ, ибо, хотя я не знаю ни одного случая въ Греческомъ языкѣ,

гдѣ бы простое начальное *d* принимало эту гласную приставку, тѣмъ не менѣе готовъ допустить, что Греческій языкъ потерялъ общее арійское выраженіе, *da nta*, для зуба, и замѣнилъ его новымъ самостоятельнымъ словомъ, до такой степени сходнымъ съ утеряннымъ, было-бы противно всѣмъ правиламъ вѣроятія. Приставочныя гласныя очень обыкновенны въ Греческомъ языкѣ передъ нѣкоторыми двойными согласными и передъ *p, л, м, н* ¹⁶⁾. Приставка начального *o* въ *odónt-es* можетъ быть поэтому допущена, какъ вѣроятность. Но въ такомъ случаѣ *odónt-es* уже не будетъ простымъ видоизмѣненіемъ формы *edóntes*, потому что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемъ въ Греческомъ языкѣ эти начальныя гласныя, гдѣ ихъ не достаетъ въ Санскритѣ, въ Латинскомъ и другихъ языкахъ, они въ настоящемъ смыслѣ слова приставочныя гласныя. Они не принадлежатъ къ корнямъ въ Греческомъ языкѣ, тогда какъ, если бы мы производили *odóntes* отъ корня *ed*, во всѣхъ вѣтвяхъ Арійскаго семейства языковъ, за исключеніемъ Греческаго, намъ пришлось бы допустить потерю кореннаго начального гласнаго звука—предположеніе, не подтверждаемое никакими аналогіями. ¹⁷⁾ Въ языкахъ, не имѣющихъ древней литературы, нѣтъ возможности слѣдить за измѣненіями слова изъ столѣтія въ столѣтіе—языкоислѣдователь лишень здѣсь этого удовольствія. Современные нарѣчія, однако, съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ, представляютъ намъ столько же поучительнаго, показывая, что языкъ безпрестанно измѣняется, и что сходство въ звукѣ и здѣсь—такой же невѣрный руководитель, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ. Примѣръ это подтердить лучше. Человѣкъ по-малайски называется *Orang*, отсюда *orang utan*, лѣсной человѣкъ—орангутангъ. Это *Orang* произносится въ различныхъ Полинезійскихъ нарѣчіяхъ какъ: *rang, oran, olan, lan, ola, la, na, da, ra*. ¹⁸⁾

¹⁶⁾ Curtius, Grundzüge der Griechischen Etymologie, II, 291. Savelsberg, Zeitschrift Höfer'a, IV, стр. 91.

¹⁷⁾ См. Шлейхера, Compendium, § 43.

¹⁸⁾ Logan, Journal of Indian Archipelago, III, стр. 665.

Разсмотримъ теперь второе положеніе.

2. Одно и тоже слово принимаетъ различныя формы въ одномъ и томъ же языкѣ.

Есть, какъ извѣстно, много тевтонскихъ словъ въ Англійскомъ языкѣ, попавшихъ туда двумя различными путями. Впервые они были занесены въ Англію саксонскими пиратами, которые мало-по-малу вытѣснили римскихъ завоевателей и колонистовъ изъ ихъ лагерей и фермъ, Василійскихъ поселенъ изъ ихъ деревень; языкъ ихъ залегъ первымъ крѣпкимъ слоємъ тевтонской рѣчи на этихъ островахъ. Имъ введены слова въ родѣ: *wearðian*, to ward, охранять, *wile*, хитрость, *wise*, родъ, видъ. Это были нѣмецкія слова, принадлежавшія тому мягкому нарѣчію, которое извѣстно подъ именемъ Нижне-Нѣмецкаго и жило въ устахъ сѣверныхъ поморянъ, Ютовъ, Англовъ и Саксовъ, пускавшихся въ далекое море искать добычи. Другую вѣтвь той же германской семьи былъ Верхне-Нѣмецкій языкъ, языкъ Франковъ и другихъ Тевтонскихъ племенъ, которыя сдѣлались завоевателями Галліи, и хотя съ теченіемъ времени усвоили себѣ языкъ своихъ подданныхъ—Романцевъ, тѣмъ не менѣе удержали въ своемъ разговорномъ жаргонѣ множество словъ роднаго языка. Французскій или Франкскій языкъ есть, собственно говоря, Романское нарѣчіе; его грамматика есть нѣсколько искаженная копія грамматики Цицерона, но его словарь полонъ германскихъ словъ болѣе или менѣе романизированныхъ, сообразно съ произношеніемъ римскихъ обитателей Галліи. Между военными терминами Германскаго происхожденія мы находимъ во Французскомъ языкѣ: *guerre* тоже, что Англійское *war*; *massacre* отъ *metzeln*, рубить или отъ *metzgen*, бить скотъ; *maçon*, *Metze*, *Steinmetz*, каменщикъ; *auberge*, по-итальянски *albergo*, по нѣмецки *Herberge*, баракъ для войска, по-верхне-Нѣмецки *heriberga* (отъ *Heer*—войско, и *bergen*—укрывать); *bivouac*, по-нѣмецки *Beiwacht*; *boulevard* по-нѣмецки *Bollwerk*, бастіонъ, *bourg*, по-нѣмецки *Burg*; *brèche*, англ. *breach*, отъ *brechen*, проламывать, *havresac*, по-нѣмецки *Hafersack*; *haveron*, по-древне-верхне-

нѣмецки habago; canapsa по-нѣмецки Knappsack, Ess—sack, отъ knappen, knabern или Schnapp-sack; ¹⁹⁾ éperon, итальян. sperone, Нѣмец. Sporn; héraut, итальянск. araldo, нѣмецк. Herold, т. е. Heerwalf, или отъ древне-верхне нѣмецкаго harên, по-французски harer, звать; maréchal, по-древне-нѣмецки mariscalco.

Многіе мореплавательные термины заимствованы тоже изъ Нѣмецкаго языка, наиболѣе—изъ ниже-Нѣмецкаго. Фр. chaloupe=sloop, шлюпка, по-голандски sloep; cahute, каюта, гол. kajuit, нѣм. Каюте или Koje; stribord, правая сторона корабля, англ. starboard, англо-сак. steorbord, нѣм. Steuerbord; havre=Hafen, гавань; Nord, Sud, Est, Ouest—все это взято изъ Нѣмецкаго языка.

Но многія обыкновенныя слова также оказались нѣмецкими подъ французскою оболочкой. Такъ haie, заборъ,=нѣм. Hecke; haïr, ненавидѣть, англ.-сакс. hatian; hameau, деревня, Нѣм. Heim; hâter—to hast, спѣшить; honnir, порицать, гот. hâunjan, нѣм. höhnen; harangue, (h)ring, напр. въ Англ. ringleader (ring и leader, коноводъ). Начальное h выдаетъ нѣмецкое происхождение этого слова. Затѣмъ choisir, англ. to choose, нѣм. kiesen, англ.-сак. ceosan, гот. kiusan, или kausjan, выбирать; danser=tanzen; causer=kosen, dérober=rauben, грабить; épier=spähen, шпионигъ, gratter=kratzen, царапать. grimper=klimmen, англ. to climb, карабкаться, grincer=grinsen, или др.-в.-нѣм. grimisôn, скрежетать, gripper=greifen, схватить, rôtir=röosten, жарить, tirer—to tear, zerren, дергать; tomber—to tumble; tummeln, taumeln, англ.-сак. tumbian, шататься, падать, guinder—to wind, winden, встаскивать; déguerpier=werfen, покидать ²⁰⁾.

Эта онѣмеченная латынь сдѣлалась языкомъ наводнившихъ Францію Норманновъ; эти Норманны сами были Тевтонскаго племени и представляли собой первоначально ту третью вѣтвь Тевтонскаго семейства языковъ, которая извѣстна подъ именемъ Скандинавской вѣтви.

¹⁹⁾ D a n n e i l Wörterbuch der Altmärkisch—plattdeutschen Mundart, 1839, sub vorte.

²⁰⁾ Смори Diez, Grammatik der Romanischen Sprachen.

Эти Норманны, которые говорили своимъ вновь усвоеннымъ франко-Романскимъ нарѣчіемъ, сдѣлались въ послѣдствіи побѣдителями при Гастингсѣ, и ихъ языкъ господствовалъ нѣкоторое время во дворцахъ, судахъ и школахъ Англіи. Но что случилось съ франкскими завоевателями Галліи и съ норманскими завоевателями Нейстрии, то же самое должно было случиться и съ Норманнами—завоевателями Англіи. Они не могли не познакомиться съ языкомъ побѣжденныхъ народовъ и какъ Франки, пытавшіеся говорить языкомъ римскимъ провинціаловъ, удержали тѣмъ не менѣе значительное число варваризмовъ, такъ и Норманны, не смотря на свое стремленіе держаться Саксонскаго строя рѣчи, занесли съ собою изъ Франціи не одно норманское слово.

Такъ тевтонское слово *wise*, одинаково принадлежало какъ верхней, такъ и нижней вѣтви Германскаго языка; это слово одинаково было извѣстно, какъ Франкамъ—побѣдителямъ Галліи, такъ и Саксамъ—побѣдителямъ Англіи. Въ устахъ римскихъ гражданъ въ Галліи начальное нѣмецкое *w* было замѣнено болѣе гортаннымъ звукомъ *gu*. Изъ *wise*, стало *guise*, и, въ этой новой формѣ, слову удалось занять мѣсто въ Англійскомъ языкѣ рядомъ съ его первоначальной формой, *wise*. Тѣмъ же путемъ вошло въ Англійскій языкъ древне-французское слово *guile*, хотя оно, вмѣстѣ съ англо-сакс. *wile*, удержавшееся въ Англійскомъ языкѣ, въ видѣ *wily*, составляло первоначально одно и то же слово. Гораздо насильственнѣе тѣ измѣненія, вслѣдствіе которыхъ др.-в.-нѣм. *wette*, гот. *vadi* (залогъ) превратилось въ средне-вѣковой латыни въ *wadium* или *vadium*.²¹⁾ въ Итальянскомъ языкѣ *gaggio* и во Франц. *gage*. Не смотря на все это мы должны въ англійскихъ глаголахъ *to engage* и *disengage* видѣть норманскія видоизмѣненія того-же самаго слова, которое удержалось въ чисто-саксонскихъ формахъ *to bet* и *to wed* (отдавать въ залогъ).

Есть много словъ этого-же рода, попавшихъ въ Ан-

²¹⁾ Diez, *Lexicon Comparativum*.

гліійскій языкъ двумя путями, первоначально въ ихъ чисто-саксонской формѣ, а потомъ въ французской оболочкѣ. Слова, начинающіяся въ Итальянскомъ языкѣ съ *gua*, *gue*, *gui*, почти всѣ германскаго происхожденія. Приводятъ, правда, случаи замѣщенія латинскаго *v* звукомъ *g*; но такъ какъ латинское *v* въ Романскихъ нарѣчіяхъ обыкновенно остается неизмѣненнымъ, то скорѣе всего можно допустить предположеніе, что въ этихъ исключительныхъ случаяхъ латинскія слова первоначально были переняты и искажены Германцами, а потомъ уже, начинаясь не съ Латинскаго *v*, а съ нѣмецкаго *w*, снова попали въ Романскія нарѣчія.

Этихъ исключительныхъ случаевъ, впрочемъ, очень мало, да и эти немногіе нѣсколько сомнительны. Совершенно было естественно итальянское *guado*, франц. *gué* производить отъ латин. *vadium*. Но начальное *gua* указываетъ на германскій источникъ; и дѣйствительно, въ др.-верх.-нѣм. мы находимъ *wat*, бродъ, *watan*, *waten*, итти въ бродъ. Испан. *wadear* могло быть произведено отъ латинской формы, хотя оно могло быть также обязано своимъ происхожденіемъ той двойственности понятій, которая существовала въ головахъ людей, говорившихъ и думавшихъ на двухъ языкахъ, Германскомъ и Романскомъ. Лат. *vadium* и герм. *wat* указываетъ на отдаленное сродство.

Guère, въ выраженій: *je ne crois guère*, долго считали видоизмѣненіемъ формъ *parum*, *varium*, *valide*, *avare*, или *grandem rem*, прованс. *granrem*. Но, подобно итальянскому *guarì*, происходитъ оно отъ нѣмец. *wāri*, *warh* (истинный), принявшаго мало-по-мало значеніе англ. *very*.²²⁾ Латин. *verus* перешло въ *vero* и *vrai*.

Guastare, франц. *gâter* (портить) объясняли лат. *vastare*; но оно очевидно происходитъ отъ др.-в.-нѣм. *wastjan* (опустошать), хотя впрочемъ и здѣсь должно быть допущено замѣщеніе одного слова другимъ въ умѣ Франковъ, говорившихъ на двухъ языкахъ.

²²⁾ Diez (Lexicon Camp. s. v., второе изданіе) предлагаетъ *weiger* вмѣсто *wāri*.

Guêpe (оспа) обыкновенно производится отъ латин. *vespa*, но оно на самомъ дѣлѣ происходитъ отъ нѣмец. *Wespe* ²³⁾. Часто указывали на этотъ фактъ, т. е. на двоякую форму одного и того же слова (*warden* и *guardian* и т. п.), какъ на одинъ изъ признаковъ силы и богатства Англійскаго языка. Тончайшіе отбѣнки мысли могутъ быть выражены отчетливо, между тѣмъ какъ въ другихъ языкахъ они обыкновенно смѣшиваются. Англ. прилагательныя *brisk*, *frisky* и *fresh*—видоизмѣненія одного и того же слова; ²⁴⁾ но большая разница сказать—а *brisk horse*, а *frisky horse*, или а *frish horse*,—разница, которую трудно передать на другихъ языкахъ (горячая лошадь, живая, всегда свѣжая). Это признакъ слабости въ языкѣ, когда однимъ и тѣмъ же словомъ приходится выражать нѣсколько различныхъ понятій, и хотя *brisk* и *frisky* служатъ большимъ подспорьемъ слову *fresh*, тѣмъ не менѣе оно обнимаетъ собою довольно разнообразную группу представленій. Говорятъ и а *fresh breeze* (свѣжій вѣтерокъ), и а *fresh water* (свѣжая, т. е. не стоячая, вода), и а *fresh butter* (свѣжее масло), и *fresh news* (свѣжія новости), и а *fresh hand* (свѣжая рука), и а *freshman* (свѣжій человекъ, новичокъ), и *freshness of body and mind* (свѣжесть тѣла и духа); и такія видоизмѣненія, какъ а *brisk fire* (живой огонь), а *brisk debate* (горячій споръ), конечно, очень желательны. *Fresh* прошло черезъ романскія уста, какъ это можно заключить изъ перемѣны гласныхъ звуковъ и, до нѣкоторой степени, изъ того обстоятельства, что оно приняло латинское окончаніе *ment*, въ словѣ *refreshment*, ²⁵⁾ окончаніе, при-

(²³) Въ Итальян. *golpe* и *volpe*, исп. *vulpeja*, фр. *goupil*, лат. *upresula*, и въ другихъ немногихъ словахъ того же рода, приведенныхъ Дидомъ (стр. 267), причина смѣшенія не такъ ясна; но даже допущенные, какъ дѣйствительныя исключенія, эти случаи не подрываютъ общаго правила.

²⁴⁾ Grimm, *Deutsche Grammatik*, II, 63, *friskan*, *frask*, *fraskun*; др.-В.-Нѣм. *friscing*, *victima* (*caro recens*), *frischling* *porcellus*.

²⁵⁾ Суффиксъ *ment* найденъ также въ слѣдующихъ словахъ саксонскаго происхожденія: *shipment*, *easement*, *fulfilment*, *forebodement*, *settlement*.

нимаемое обыкновенно латинскими словами. Совершенно въ чуждомъ видѣ эта форма существуетъ въ выраженіи fresco—paintings (живопись альфреско),—названіе, данное, какъ извѣстно, живописи на свѣжихъ, еще не засохшихъ, стѣнахъ.

Этотъ же процессъ объясняетъ существованіе такихъ двойственныхъ формъ, какъ ship и skiff, во фр. esquif, откуда образовалось древне-француз. esquiper, ново-франц. équiper, англ. to equip; или sloop и shallow, фр. shaloupe.

Bank и bensch—германскія формы; banquet—романизированная.

Bar германская форма (др.-вер.-нѣм. para); barrier, barrière—романизированы. Ср. испан. barras, перила, фр. embarras и Англ. embarrassed.

Ball—германская форма, balloon романизировано.

To pack— германская форма; baggage, англ. baggage, романизировано.

Ring германская форма и произносилась она въ Др.-В.-Нѣм. hring. To harangue, (держатъ рѣчь къ кругу слушателей, быть коноводомъ) романизировано; по-итал. aringa по-фр. la harangue.

Случается также, что безсознательное этимологическое чутье народа воздѣйствуетъ на эти романизированныя, германскія слова и, срывая съ нихъ чуждую имъ оболочку, сообщаетъ имъ снова родную форму. Такъ, нѣмец. Krebs, др.-верх.-нѣм. krebiz, тожественно съ англ. crab (морской ракъ). Это Krebiz въ Фр. языкѣ является въ видѣ écrevisse; въ этой чужеземной формѣ оно возвратилось въ Англію и народная этимологія преобразила его въ crayfish или crawfish (ракъ).

Равнымъ образомъ filibustier произошло, по-видимому, отъ исп. filibote или flibote, фр. flibot, но самое-то испанское слово есть искаженіе англ. формы fly—boat.

И латинскіе элементы точно также, какъ и германскіе, вошли въ Англійскій языкъ въ разное время и въ различныхъ формахъ. Вливаніе латинскихъ элементовъ въ Англію совершилось въ четыре различные періода четырьмя различными каналами.

Во-первыхъ—римскими легионами и римскими колонистами, со времени завоеванія Цезаря (55 г. до Р. Х.) и до ухода римскихъ легионовъ, т. е. до 490 по Р. Х.; напримѣръ, *colonia* = *coln*; *castra* = *chester*; *stratum* = *street*.

Во-вторыхъ—христіанскими миссіонерами и пастырями, со времени поселенія Св. Августина (597 г.) и до времени Альфреда; напр., *candela* = *candle*; *Kyriake* = *church*, *diaconus* = *dean*; *regula* = *rule*; *corona* = *crown*; *discus* = *dish*; *uncia* = *inch*.

Въ-третьихъ, норманскимъ дворянствомъ и норманскими духовными и законовѣдами, которые внесли въ Англію, со времени Эдворда Исповѣдника, множество латинскихъ выраженій въ ихъ классической, или же вульгарной и романизированной формѣ.

Въ-четвертыхъ — изученіемъ классической литературы Рима, отъ времени возрожденія наукъ и до настоящихъ дней.

Эти періодически повторявшіеся wpłyвы столькихъ латинскихъ словъ дѣлають понятнымъ существованіе—рядомъ—такихъ формъ, какъ *minster* и *monastery* (соборъ и монастырь). *Minster* занесено въ Англійскій языкъ христіанскими проповѣдниками и въ своей испорченной или англизированной формѣ встрѣчается въ древнѣйшихъ Англо-саксонскихъ памятникахъ. *Monastery* было то-же самое слово, только менѣе искаженное произношеніемъ позднѣйшихъ ученыхъ или духовныхъ, которые знакомы были съ Латинскимъ языкомъ. Такъ, *paragraph* = *paragraphus*, лишь съ незначительнымъ сокращеніемъ; *pilegrow*, *pylcrafte* и *paraſ*—вульгарныя англійскія искаженія того-же слова ²⁶⁾. Подобнымъ же образомъ глаголь *to blame* введенъ былъ въ Англію Норманами. Первоначальное латинское или греческое слово, отъ котораго образовалось фр. *blâmer*, удержало въ языкѣ болѣе образованныхъ классовъ форму *to blaspheme*. *Triumph* было латинское слово, употреблявшееся въ своей первоначальной формѣ въ церковномъ и военномъ языкѣ всѣхъ странъ Европы. Но въ своей искаженной фор-

²⁶⁾ См. *Promptuarium Parvulorum*, стр. 398.

мѣ, *la triomphe*, оно свойственно было Французскому языку, и въ видѣ *trump*, *trump card* (козырь) занесено было Норманскимъ дворянствомъ въ Англію ²⁷⁾. Тотъ же самый процессъ еще съ большей полнотою можно наблюдать въ исторіи Французскаго языка. Этотъ языкъ вообще очень богатъ латинскими словами, которыя, будучи видоизмѣнены различнымъ образомъ, получили неоднократно доступъ въ его словарь. Впервые они занесены были легионами, завоевавшими Галлію, болѣе или менѣе грубый жаргонъ которыхъ скоро вытѣснилъ родное Кельтское нарѣчіе. Затѣмъ ихъ принесли христіанскіе миссіонеры и наконецъ, въ третій приемъ, эта контрабанда введена была учеными классиками позднѣйшихъ временъ. Лат. *sacramentum* въ произношеніи солдатъ превратилось въ *serment*; въ устахъ-же духовной особы слышалось *sacrement*. *Redemptio*, какъ военный терминъ, сократилось въ *rançon*, англ. *ransom* (выкупъ), въ своемъ-же религіозномъ значеніи оно удержало почти первоначальную форму *redemption* (искупленіе). Къ этому же разряду словъ принадлежитъ *acheter* ²⁸⁾ (покупать) и *accepter* (принимать) оба отъ лат. *acceptare*. *Chétif* (мизерный) и *captif* (плѣнный), оба отъ лат. *captivus*. *Chose* и *cause* (вещь и причина) оба отъ лат. *causa*. *Façon* и *faction*, отъ *factio*, съ первоначальнымъ значеніемъ способа дѣйствія, за тѣмъ покроя, во множ. числѣ съ значеніемъ обстоятельствъ, *faction* стало означать заговоръ, партію. *Fraile* и *fragile*, происходятъ отъ *fragilis*. *On* и *homme*, отъ *homo*. *Noël* (вечеръ на Рождество) и *natal*, отъ *natalis*. *Naif* и *natif*, отъ *nativus*. *Parole* и *parabole* отъ *parabola*. *Penser* (взвѣшивать, судить, *to ponder in one's mind*) и *peser* (вѣсить на вѣсахъ) оба отъ лат. *pensare*. *Pension*, также образовалось отъ *pensum*. Въ Латинскомъ языкѣ также *expendo* употребляется въ двухъ значеніяхъ: выдавать деньги и взвѣшивать, соображать.

²⁷⁾ French on words, стр. 136.

²⁸⁾ Fuchs, стр. 125.

Латинское мѣстоименіе *ille* является во Французскомъ языкѣ въ двухъ различныхъ формахъ. Это во-первыхъ, мѣстоименіе третьяго лица *il*, и затѣмъ, опредѣлительный членъ *le*. Очевидно, было бы очень странно предполагать, что люди согласились раздѣлить *ille* на двѣ части и первую *il* рѣшили считать личнымъ мѣстоименіемъ, а вторую *le* членомъ. Мѣстоименія *il* и *elle* во Французскомъ языкѣ, *egli* и *ella* въ Итальянскомъ, *el* и *ello* въ Испанскомъ, — все это только мѣстные разновидности формы *ille* и *illa*. Эти слова *ille* и *illa*, употребленные какъ членъ, и слѣдовательно произнесенныя быстрѣе и безъ ударенія, сократились въ *il*, встрѣчающееся въ Итальянскомъ языкѣ, затѣмъ въ *el* (въ Испанскомъ), далѣе въ *lo*, (*illum*), встрѣчающееся въ Провансальскомъ и Итальянскомъ языкахъ (*lo spirito*), — и наконецъ въ *le* въ Провансальскихъ нарѣчіяхъ и во Французскомъ языкѣ.²⁹⁾ Такъ какъ существуютъ извѣстные законы, по которымъ совершался переходъ латинскихъ словъ во французскія и итальянскія, то намъ не трудно опредѣлить, возникла ли форма, въ родѣ *орѣга*, на Французской почвѣ, или же она занесена изъ Италіи. Во Французскомъ языкѣ конечное *a* всегда сокращается въ *e* и латинскіе *p*, въ серединѣ словъ, переходитъ обыкновенно въ *b* или *v*. Этого не бываетъ въ Итальянскомъ языкѣ. Такъ лат. *apis* (пчела) по-ит. *ape*, по-фр. *abeille*³⁰⁾ Лат. *capillus*, по-ит. *capello*, по-фр. *cheveu*. Такъ и *орѣга* во Француз. языкѣ явилось въ видѣ *oeuvre*, между тѣмъ какъ въ Итальянскомъ осталось *opera*, въ Испанскомъ *obra*³¹⁾.

²⁹⁾ Diez, Romanische Grammatik II. 35.

³⁰⁾ Diez, Rom. Gram. I. 177. Тамъ перечислены исключенія изъ этого правила, напр. ит. *riva*, вмѣсто *ripa*, *savio* вм. *sapio*; и во фр. слова въ родѣ *vapeur*, *stupide*, *capitaine*, др.—фр. *chevetain*.

³¹⁾ Diez, II, 20. *Opera* не есть лат. *opus*, употребленное въ женскомъ родѣ, по множ. ч. отъ *opus*. Подобныя формы сред. р. множ. ч. очень часто принимали въ Романскихъ языкахъ жен. родъ, и употреблялись въ един. ч. Такъ *gaudia* (множ. сред.) по-фр. *joie* (ед. жен. р.) по-ит. *gioja*. Уменьшительная форма фр. *joie* есть др.—фр. *joel* (маленькое удовольствіе); по-англ. *jewel* по-фр. *joyou* (драгоценность).

Лат. *arma*, сред. множ., Ит. и Исп. *arma*, Фр. *l'arme*.

» *folia* » Ит. *foglia*, Фр. *feuille*.

» *vela* » Ит. и Исп. *vela*, Фр. *voile*.

» *batualia* » Ит. *battaglia*, Фр. *bataille*.

Есть во Французскомъ языкѣ небольшой разрядъ словъ, стоящихъ того, чтобы упомянуть объ нихъ, съ цѣлью показать, сколько разъ и въ какихъ различныхъ формахъ одно и то же слово можетъ попадать въ языкъ. Это ни германскія, ни романскія слова, но они стоятъ какъ бы на рубежѣ между тѣми и другими. Съ виду это латинскія слова, но было бы въ высшей степени трудно прослѣдить ихъ исторію до Латинскаго языка, если бы намъ не было извѣстно, что народъ, говорившій этой латынью, былъ германскій народъ и думалъ на Германскомъ языкѣ. Когда Германецъ говоритъ на чужомъ языкѣ, онъ дѣлаетъ такія ошибки, которыхъ Французъ никогда не сдѣлаетъ, и на оборотъ. Нѣмецъ, говоря по-англійски, ошибкою можетъ сказать: *to bring a sacrifice*; Французъ подобной ошибки не сдѣлаетъ. Французъ, напротивъ того, способенъ сказать, что онъ не можетъ *attend any longer*, желая сказать, что онъ не можетъ *wait any longer*. Разсказываютъ про англійскихъ путешественниковъ, что они прислугу зовутъ *Wächter* (по-англ. *waiter*), блюдо называютъ *platte* (по Англ. *plate*); вспылывая они говорятъ: *Ich habe einen grossen Geist Sie nieder zu klopfen* (*I have a great mind to knock you down*); или, изъясняясь по французски говорятъ: *J'ai changé mon esprit autour de cette tasse de café* (*I have changed my mind about this cup of coffee* ³²). Есть много подобныхъ же ошибокъ, которыя въ грамматикахъ называются германизмами, галлицизмами, англицизмами, и за которыя достается школьникамъ отъ учителей.

Германцы, наводнившіе Италію и Галлію, естественно, старались выражаться по-латыни *tant bien que mal*, но надъ ними не было учителей, которые рѣшили бы исправлять ихъ ошибки. Напротивъ, ихъ романскіе подданные отъ души желали понимать тараборщину своихъ побѣдителей, и если они хотѣли быть учтивыми, они должны были повторять ошибки своихъ повелителей. Этимъ путемъ, наименѣе грамматическія, наименѣе свой-

³²) Въ первомъ случаѣ *mind* значить желаніе, во второмъ мнѣніе.

ственные языку выраженія и обороты вошли съ теченіемъ времени во всеобщее употребленіе.

Ни одинъ Римлянинъ не употребилъ бы для того, чтобы выразить понятіе о препровожденіи времени или забавѣ, слова *intertenerе*. Подобное выраженіе было бы совершенно непонятно Цезарю или Цицерону. Германцы, однако знакомы были съ этимъ оборотомъ, *unterhalten*, *Untrhaltung*, и когда они хотѣли выразить свою мысль по-латыни, они переводили *unter* словомъ *intere*, а *halten* словомъ *tenere* и образовали такимъ образомъ *entretenir*, — слово, не принадлежащее собственно ни Римлянамъ ни Германцамъ.

Безъ сомнѣнія, очень трудно бываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить, Германцами ли, говорящими по-латыни, но думающими по-германски, образованы слова, въ родѣ *intertenerе*; или же одна и та же метафора употреблена была какъ Римлянами такъ и Германцами. Съ перваго раза можетъ показаться, что фр. *circonstance* было варварскимъ переводомъ нѣм. *Umstand*, выражающаго также понятіе и посредствомъ той же метафоры (*сггсрр*—Ит—об...). Но, справившись съ позднѣйшей латинской литературой, мы тамъ найдемъ въ произведеніяхъ, которыя едва ли могли испытывать на себѣ вліяніе Нѣмецкаго языка, форму *circumstantia* въ смыслѣ *обстоятельствъ дѣла*; отъ Квинтилиана же мы узнаемъ (V. 10, 104), что этимъ словомъ передавалось въ Латинскомъ языкѣ греч. *περίστασις*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слова, считающіяся теперь классическими во многихъ Европейскихъ языкахъ, первоначально были не что иное, какъ варварскія попытки Германцевъ выражаться на языкѣ побѣжденныхъ ими Романцевъ.

Будущее выражается по-нѣмецки словомъ *Zukunft*, т. е. *das zu kommende* (то, что придетъ). Подобнаго выраженія мы не встрѣчаемъ въ Латинскомъ языкѣ; но Германцы употребили тотъ же самый оборотъ, когда имъ пришлось выражаться на Латинскомъ языкѣ, и вотъ явилось выраженіе: *l'avenir*, т. е. *ce qui est à venir*.

Одно изъ многихъ нѣмецкихъ выраженій для *больного* есть *unpass*. Оно употребляется даже теперь: *unpässlich*, *Unpässlichkeit*. Соответствующее латинское выраженіе было бы *aeger*, но вмѣсто этого мы встрѣчаемъ въ Провансальскомъ языкѣ *malapte*, въ Ит. *malato*, во Фр. *malade*. *Malapte* = Лат. *male* — *aptus*, неспособный — чуждый Латинскому языку переводъ выраженія *Unpass*. Вотъ какъ все это случилось. *Male-aptus* было на первыхъ порахъ большою ошибкой въ Латинскомъ языкѣ, въ родъ того, какъ еслибы Нѣмецъ, говорящій по-англійски, употребилъ *unpass* въ смыслѣ *unpassend*, или, желая сказать, что онъ нездоровъ, выразился бы: «*I am unfit*.» Но такъ какъ не было никого, кто бы рѣшился поправлять германскихъ господъ и повелителей, то выраженіе *maleaptus* было терпимо, было даже, можетъ быть, повторяемо добрыми римскими лѣкарями и получило наконецъ право гражданства въ языкѣ.

Еще одно слово того же рода, присутствіе котораго въ Итальянскомъ, Французскомъ и Англійскомъ языкахъ иначе нельзя объяснить, если не принять за германизмъ, за грубую ошибку, сдѣланную народомъ, который говорилъ по-латыни, но думалъ по-германски. — *Gegend* — по-нѣмецки значить страна или область. Первоначально этимъ словомъ обозначалось то, что лежитъ *впередѣ*, *напротивъ*, что представляется нашему взору. По-латыни *gegen* могло быть переведено словомъ *contra*; и Германцы, которымъ сразу не приходило на память лат. слово *regio*, передавали понятіе *Gegend*, носившееся передъ ними, выраженіемъ *contratum*, или *terra contrata*. Такимъ образомъ явилось ит. *contrada*, франц. *contrée*, англ. *country*³³⁾.

³³⁾ Ср. М. Миллера, *Ueber Deutsche Schattirung Romanischer Worte*, въ «*Zeitschrift*» Купа, V. II. Я пользуюсь случаемъ доказать здѣсь, что вовсе не раздѣляю мнѣнія, которое мнѣ приписываетъ М. Littré (*Journal des Savants*, Apr. 1836; *Histoire de la Langue Francaise*, 1863, т. I. стр. 94.), относительно происхожденія Романскихъ языковъ. Задачей моей было — объяснить нѣкоторыя черты въ этихъ языкахъ, — черты, которыя остались бы необъясненными, если бы мы стали смотрѣть на Французскій, Итальянскій и Испанскій язы-

И здѣсь, разбирая слова, различныя первоначально по происхожденію и по значенію, но сдѣлавшіяся, съ теченіемъ времени, тождественными въ звукѣ, я не могу не упомянуть объ одномъ ученомъ, который, правда, гораздо болѣе извѣстенъ въ лѣтописяхъ естествознанія, заслуживаетъ также занять почтенное мѣсто и въ исторіи Языковѣдѣнія. Взгляды Рожера Бэкона на языкъ и этимологию страннымъ образомъ опередили его вѣкъ. Онъ называлъ этимологию *рѣчью истины*.³⁴⁾ и, по всей вѣроятности, первый возымѣлъ идею о сравнительной грамматикѣ. Онъ энергически возстаетъ противъ тѣхъ, которые предлагаютъ различныя производства словъ въ Латинскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ языкахъ, не обращая должнаго вниманія на исторію этихъ языковъ. «Брито», говоритъ онъ, рѣшается производить Gehenna отъ греч. *ge* земля, и *ennos*, глубокий, не смотря на то, что Gehenna еврейское слово и не можетъ имѣть своего начала въ Греческомъ языкѣ.³⁵⁾ Какъ примѣръ словъ, дѣлающихся тождественными съ теченіемъ времени, онъ приводитъ *kenon*, встрѣчаемое во многихъ сложныхъ

ки просто, какъ на вторичныя видоизмѣненія Латинскаго языка. Они могутъ быть объяснены только тѣмъ, какъ я пытался доказать, что народъ, въ умахъ и устахъ котораго эти языки продолжали расти, не былъ собственно Романскимъ народомъ: это было племя, думавшее по-германски, но пытавшееся выражаться по-латыни. Я пытался лишь обратить вниманіе ученыхъ на этотъ новый факторъ въ образованіи Ново-Латинскихъ нарѣчій, нисколько не желая отрицать другіе болѣе нормальныя и болѣе общіе факторы, дѣйствующіе во всѣхъ другихъ языкахъ при переходѣ ихъ изъ такъ называемаго состоянія грамматики въ аналитическое. Желая освѣтить надлежащимъ образомъ этотъ частный факторъ, я, можетъ быть, нѣсколько не точно выразился; но еслибы мнѣ пришлось снова выразить свое мнѣніе относительно происхожденія Романскихъ языковъ, я бы не смѣлъ этого сдѣлать яснѣе и точнѣе, какъ только приведши подлинныя слова моего почтеннаго критика: «A mon tour, venant, par la série de ces études à m'occuper du débat ouvert j'y prends une position intermédiaire, pensant que, essentiellement, c'est la tradition latine qui domine dans les langues romanes, (mais que l'invasion germanique leur a porté un rude coup, et que de ce conflit où elles ont failli succomber, et avec elles la civilisation, il leur est resté des cicatrices encore apparentes et qui sont à un certain point de vue ces nuances germaniques signalées par Max Müller».

³⁴⁾ Reger Racon, Compendium studii cap. 7 (изд. Brevera, стр. 449) «quoniam etymologia est sermo vel ratio veritatis».

³⁵⁾ Ibid., cap. 7, 8, стр. 450.

словахъ въ средневѣковой латыни. Въ *cenotaph*, памятникъ (буквально—пустая могила), *seno*=греч. *κενός*, пустой. Въ *cenobite*, инокъ, *seno*=греч. *κοινός*, общій. Въ *encenia*, храмовой праздникъ, *senia*=греч. *καινός* новый.³⁶⁾ Это, конечно, дѣлаетъ честь тринадцатому столѣтію!

Случаи, въ родѣ выше разобранныхъ, встрѣчаются, безъ сомнѣнія, гораздо чаще въ новѣйшей исторіи языка, такъ какъ, благодаря переселеніямъ народовъ и политическимъ переворотамъ, нарѣчія сосѣднихъ и отдаленныхъ расъ все болѣе и болѣе перемѣшивались между собою. Но и въ древности были и переселенія, и войны, и колоніи, поведшія за собою перемѣщеніе и смѣшеніе различныхъ пластовъ человѣческой рѣчи, и литературные языки Греціи и Рима, при всей ихъ кажущейся однообразности, въ особенности въ произведеніяхъ классическихъ писателей, выросли, подобно языкамъ Французскому и Англійскому, путемъ усвоенія и поглощенія, на почвѣ различныхъ нарѣчій Греціи и Италіи. Случаи, замѣченные во Французскомъ языкѣ, имѣли мѣсто и въ Латинскомъ языкѣ. Какъ Французъ теперь забылъ, что *raysan*, поселянинъ, и *raïen*, язычникъ, были первоначально лишь слабыя діалектическія видоизмѣненія одного и того же латинскаго слова *raganus*, деревенскій житель,—также точно римскій гражданинъ употреблялъ два слова, *luna*, луна, и *Lucina*, богиня, не сознавая больше, что оба слова произошли отъ одного и того же корня. *Luna* утеряло свое *s*, принадлежащее корню *lucere* (свѣтить),—не въ слѣдствіе каприза, или случайности, но въ силу общаго правила, по которому, гортанный звукъ выпадаетъ передъ плавнымъ. *Lumen*, поэтому, стоитъ вмѣсто *lucmen*; *examen* вм. *exagmen*; *flamma* (пламя) вм. *flagma*, отъ *flagrare* (горѣть); *flamen*, вм. *flagmen* (жрецъ); *lanio* (мясникъ), если производить его отъ корня, сроднаго съ *lascere* (разсѣкать), стоитъ вмѣсто *lasmen*. *Contaminare*, осквернять, происходить, по всей

³⁶⁾ См. *Ibid.*, сар. 7, стр. 457.

вѣроятности, онъ того же глагола *tango* (касаюсь) что и *contagio*, зараза, и *integer*, не тронутый, чистый. *Contaminare* стоитъ, поэтому, вмѣсто *contagminare*. Это тотъ же самый звуковой законъ, который, въ примѣненіи къ Германскимъ нарѣчіямъ, объясняетъ намъ переходъ слова *Nagel* въ англ. *nail* (ноготь), *Zagel* въ *tail* (хвостъ), *Nagel* въ *hail* (градъ), *Rigel* въ *rail* (задвижка), *Regen* въ *rain* (дождь), *Pflegel* въ *flail* (бичъ), *Segel* въ *sail* (парусъ); этотъ же законъ, въ приложеніи къ классическимъ языкамъ, помогаетъ намъ открыть тождественность формъ: греч. *láchnē* (шерсть, волна) и лат. *lāna*; греч. *aráchnē* (паукъ) и лат. *arānea*. Хотя такому знатоку языка, какъ Цицеромъ,³⁷⁾ и могло быть извѣстно, что *ala*, крыло, есть лишь сокращеніе формы *axilla* (подмышка), но для обыкновеннаго Римлянина это были такія же два различныя слова, какъ *raien* и *raysan* для современнаго Француза. *Tela*, ткань, потому же закону, нужно производить отъ *texela*, а это отъ глагола *tegere*, ткать. *Mala*, щека, произошло отъ *maxilla*, челюсть и *velum*, парусъ или заплата отъ *vexillum*, движимое вѣтромъ, знамя, флагъ. Владѣя этимъ правиломъ, мы въ состояніи даже въ такихъ испорченныхъ современныхъ формахъ, какъ англ. *subtle*, фр. *subtile*, открыть латинскій корень *texere*, ткать,—корень здѣсь тотъ же, что и въ *tela*. Отъ *texere* образовалось лат. прилагательное *subtilis*, съ тою же метафорой, которая лежитъ и въ русскомъ выраженіи: «хитросплетеніе;» въ Англійскомъ языкѣ оно сократилось въ *subtle* (*suttl*), тонкій, сублильный.

Есть также въ Латинскомъ языкѣ слова, двойственность формъ которыхъ должна быть приписана вліянію мѣстнаго произношенія. Сюда принадлежатъ: *cohors* и *cors*, *nihil* и *nil*, *mi* и *mibi*, *prendo* и *prehendo*, *prudens* и *providens*, *bruma* (зимній солнцесоворотъ) и *brevissima*, т. е. *dies* (самый короткій день).³⁸⁾ *Susum* тоже стоитъ вмѣсто *sursum*, т. е. *sub* + *versum*, и противоположно

³⁷⁾ Cicero, Orat. 45, §. 153.

³⁸⁾ Pott Etym. Forsch. I, стр. 645.

deorsum. Хотя sub значить вообще—подъ, внизу, но какъ и греч. *hypó*, оно употребляется также въ смыслъ—снизу, *изъ-подъ*, и можетъ такимъ образомъ выражать два совершенно различныя понятія—*внизу* и *вверхъ*. Sub-mittere значить—подкладывать, sublevare—поднимать. Summus, превосходная степень, отъ sub, греч. *hýpatos*, превосх. ст. отъ *hypó*, но значить—не *самый низкій*, но—*самый высокій* ³⁹). Какъ sub-versum сливается въ sursum и susum, такъ и retroversum сокращается въ retrosum, retrosum и rursum. Изъ proversum становится prorsum, первоначально—*впередъ*, *въ прямомъ направленіи*; отсюда—*oratio prorsa*, прямо направленная рѣчь, въ противоположность рѣчи, связанной размѣромъ, *oratio vincta* ⁴⁰).

Такъ вотъ, какъ на Эолическое и Дорическое, Ионическое и Аттическое нарѣчія мы смотримъ, какъ на побѣги одного ствола—Греческаго языка; какъ въ Романскихъ языкахъ мы видимъ лишь видоизмѣненія языка Латинскаго, и въ нарѣчіяхъ Сѣверномъ, Верхне-Нѣмецкомъ и Нижне-Нѣмецкомъ—три вѣтви одного ствола: также точно и въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ, Германскомъ и Кельтскомъ, Славянскомъ, Древне-Индійскомъ и Древне-Персидскомъ мы должны видѣть лишь разновидности одного, первичнаго типа рѣчи, которыя выработались, съ теченіемъ времени, въ классическіе органы литературъ міра. Съ этой точки зрѣнія намъ легко будетъ понять, какимъ образомъ то, что случается въ новѣйшихъ языкахъ, могло имѣть мѣсто и въ отдаленнѣйшіе періоды исторіи языка. Одно и тоже слово, съ незначительными діалектическими видоизмѣненіями, существуетъ въ Греческомъ, Латинскомъ, Готскомъ и Санскритскомъ языкахъ, и реченія, не имѣющія между собою, на первый взглядъ, ничего общаго, отличаются одно отъ другаго особенностями не рѣзче тѣхъ, которыми отличается французское слово отъ итальянскаго или испан-

³⁹) Санскр. *upra* и *upari* соответствуетъ греческому *ὑπὸ* и *ὑπέρ*, лат. *sub*, и *super*, гот. *uf* и *ufar*.

⁴⁰) Quint. 9, 4, «*oratio alia vincta atque connecta, alia soluta.*»

скаго. Мало сходства найдетъ невооруженный глазъ между *pen* и *feather*, но подъ микроскопомъ сравнительной грамматики обѣ формы оказываются съ совершенно тождественнымъ строеніемъ. Обѣ формы образовались отъ корня *pat*, летать (въ Санскритѣ), по греч. *pétomai*, лечу. Отъ этого корня въ Санскритѣ образовалось слово посредствомъ показателя орудія—*tra*, *pat-tra*, или *pata-tra*, *крыло*, и *перо*. Другое существительное образовалось отъ того же корня, вошедшее въ употребленіе въ Латинской вѣтви Аріійской рѣчи,—*patna* или *petna*, съ тѣмъ же значеніемъ: *крыло*, и *перо*. *Petna* превратилось въ *penpa*,—переходъ, основывающійся не на одной аналогіи, но и подтверждаемый Фестомъ, который приводитъ посредствующую форму: *respa*. ⁴¹⁾ Въ Германскомъ нарѣчій удержалось то же производное, что и въ Санскритѣ, лишь съ измѣненіемъ, по закону перебоя, твердаго согласнаго звука на придыхательный. *Patra* должно было, слѣдственно, перейти въ *phathra*, а въ этой формѣ легко узнать англ. *feather*, нѣм. *Feder*. Такимъ образомъ формы *pen* и *feather*, одна—латинскаго, другая германскаго происхожденія—установились какъ двѣ разновидности одного и того же слова, во всѣхъ отношеніяхъ аналогичныя съ тѣми двойственными словами, на которыя мы указали въ Латинскомъ языкѣ, которыя мы видѣли въ гораздо большемъ количествѣ въ Французскомъ языкѣ и которыя сообщаютъ языку Чосера, Шекспира и Мильтона не только прелесть разнообразія, но и возможность точнаго выраженія тончайшихъ оттѣнковъ мысли.

3. *Различныя слова принимаютъ одну и ту же форму въ различныхъ языкахъ.*

Мы разобрали до мелочей два положенія, которыя доказываютъ, что въ научной этимологіи общность происхожденія нисколько не зависитъ отъ сходства въ звукѣ или значеніи. Еслибы слова навсегда удерживали свои первоначальные звуки и свое первоначальное значеніе, то языкъ вовсе не имѣлъ бы никакой исторіи; не было

⁴¹⁾ Ср. греч. *ἑρῆμος*, лат. *resmus* и *gemus*. *Trisemos* встрѣчается въ надписи *Columna Rostrata*.

бы никакого смѣшенія языковъ, и мы говорили бы по настоящее время языкомъ нашихъ прародителей. Но въ этомъ и состоитъ природа языка, чтобы расти и измѣняться, и пока мы не откроемъ законовъ его роста и измѣненій, до тѣхъ поръ намъ не удастся прослѣдить до первыхъ истоковъ многоразличныя образованія человѣческой рѣчи, разлившейся изъ деревень по городамъ, по цѣлымъ странамъ и континентамъ земнаго шара. Число коренныхъ элементовъ языка такъ ничтожно, словъ же, входящихъ въ составъ языковъ такое несчетное множество, что только эта возможность—тончайшіе оттѣнки мысли выражать едва замѣтными оттѣнками произношенія и звуковыми переходами—дѣлаетъ для насъ понятнымъ то, какимъ образомъ изъ такого ничтожнаго матеріала воздвигнуто было такое громадное зданіе. Этимология есть наука объ измѣненіяхъ словъ, и мы, далекіе отъ того, чтобы отыскивать тожество, или даже только сходство въ звукахъ между словами, употребляющимися теперь въ Англійскомъ языкѣ съ одной стороны, а—словами древнихъ Ведъ—съ другой, мы, напротивъ того, должны каждый разъ быть насторожѣ, когда какая-нибудь этимология соблазняетъ насъ тожественностью нѣкоторыхъ звуковыхъ формъ въ такихъ языкахъ, какъ Латинскій и Греческій, или Санскритъ. Если только вѣрны законы, управляющіе ростомъ языка, то мы можемъ смѣло высказать положеніе, что слова, тожественныя по звуку въ Санскритѣ и Англійскомъ языкѣ, навѣрное—не одни и тѣ же слова. А это приводитъ насъ къ нашему третьему положенію. Случается иногда, что два языка, сродные между собою, или не сродные, имѣютъ оба одинаковое въ звуковомъ отношеніи слово и съ нѣкоторымъ сходствомъ въ значеніи. Подобныя слова, для прежнихъ этимологовъ казавшіяся наиболѣе подходящими къ ихъ цѣлямъ, теперь третируются съ весьма основательной недоувѣрчивостью. Часто, напримѣръ, дѣлались попытки сравнивать еврейскія слова съ словами Арійскихъ языковъ. Пока при этомъ не упускается изъ виду громадная разница, раздѣляющая Арійское и Семитическое семейства

языковъ, до тѣхъ поръ эти попытки заслуживаютъ всякаго довѣрія. Но какъ только, не удовлетворяясь извѣстнымъ совпаденіемъ въ самыхъ общихъ и простѣйшихъ элементахъ рѣчи, ученые воображаютъ открыть частные случаи самаго близкаго совпаденія, не смотря на общее различіе въ грамматикѣ и словарѣ Аріійской и Семитической рѣчи, подобныя попытки становятся ненаучными и заслуживающими порицанія.

Зная, какое несмѣтное количество словъ можетъ быть образовано путемъ простаго смѣшенія какихъ-нибудь двадцати пяти буквъ, мы тѣмъ съ большимъ удивленіемъ встрѣчаемъ случаи выраженія однихъ и тѣхъ же понятій одинаковыми или близко сходными словами въ языкахъ, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ семействамъ. Д-ръ Rae, желая указать на нѣкоторое родство между Полинезійскимъ и Аріійскимъ семействами языковъ, сопоставляетъ таитское слово *puha*, пылать огнемъ, ново-зеландское *karuha*, огонь, съ греч. *pyr*, огонь. Онъ сравниваетъ полинез. *ao*, восходъ солнца, съ греч. *eōs*; гавайское *mauna*, съ *mons*; гав. *maua*, думаю, *мню*, съ Санскр. *man*, думать; *поо*, примѣчаю, и *поо-поо*, умный, мудрецъ, съ Санскр. *jñā*, знать; *огеро* или *orelo*, рѣчь, съ *oratio*; *kala*, провозглашаю, съ греч. *kaleîn*, звать; *kalanga*, рѣчь, съ *harangue*; *kani*, *kakani*, пѣть, съ *cano*; *mele*, пропѣтые стихи, съ *mélōs* ⁴²⁾.

Легко можно было бы привести гораздо больше примѣровъ въ этомъ же родѣ. Такъ, въ языкѣ Кафровъ, *beta*=англ. *to beat* (бить), *tyelo*=англ. *to tell* (разсказывать), *wholo*=англ. *hollow* (полный) ⁴³⁾. Въ Ново-Греческомъ языкѣ глазъ называется *mati*—искаженіе формы *ommation*; у Полинезійцевъ *mata* тоже значитъ глазъ, у Литовцевъ *matau*—смотреть.

Но что примѣнимо къ языкамъ, не сроднымъ между

⁴²⁾ См. М. Мюллера, «*Turanian Languages*,» стр. 95 и слѣд. Pott въ *Deutsche Morgenlandische Gesellschaft* (IX, 430) помѣстилъ обстоятельный разборъ «*Туранскихъ языковъ*.» Въ его *Etym. Forsch.* собраны болѣе случайныя совпаденія (II, 430).

⁴³⁾ Appleyard, *Kafir Language*, стр. 3.

собою въ настоящемъ смыслѣ этого слова, каковы Англійскій и Еврейскій, Греческій и Гавайскій,—тоже самое въ равной степени примѣнимо и къ сроднымъ языкамъ. И здѣсь полное тожество въ звукѣ между словами различныхъ нарѣчій уже подозрительно. Ни одинъ ученый не станетъ теперь сравнивать англ. to look (подсматривать) съ санскр. lokayti; to speed (торопиться) съ греч. speúdō; to call (звать) съ греч. kalein; to care (заботиться) съ лат. cura. Звукъ Ай, означающій въ Англійскомъ языкѣ *глазъ* (пишется: eye), въ Нѣмецкомъ языкѣ значить *яйцо*: видѣть въ обоихъ случаяхъ одно и тоже понятіе округлости было бы, кажется, вполне разумно. Но англ. eye есть позднѣйшая форма англо-санскр. eāge, гот. augō, нѣм. Auge,—формы, сродныя съ Санскр. akshi, лат. oculi, греч. ósse, (око); между тѣмъ какъ нѣмецкое Ei, во множественномъ числѣ имѣющее въ древне-Верхне-Нѣм. языкѣ eīgīr, тожественно съ англ. egg (яйцо), лат. ovum, греч. ὄβιον, и не безъ основанія можетъ быть сопоставлено съ формой avis (птица). Эта англо-саксон. форма eāge, *глазъ*, сокращается въ у въ словѣ daisy (маргаритка, буквально: *глазъ дня*), и въ ow въ словѣ window (окно), если допустить, что window=др.-сѣвер. vindauga, швед. vindauga, др. англ.-windor⁴⁴). Въ Готскомъ языкѣ окно называется auga dauro, въ Англо-Сакс. eāgduru, т. е. *глазъ-дверь*. Въ словѣ island (читай iland) первая часть не имѣетъ ничего общаго ни съ egg ни съ eye: это искаженіе готс. ahva, т. е. aqua, вода; отсюда и англ.-сакс. eoland, др.-сѣв. aland (Wasserland).

Что можетъ быть соблазнительнѣе сходства между англійскимъ выраженіемъ «on the whole» и греч. kath hólōn откуда произошло слово католикъ,—какъ не объяснить одного другимъ! ⁴⁵) Buttmann, съ своимъ «Lexicologus» не выражаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно тожества греческой формы holos и англ. hale, whole, wholesome. Теперь простое примѣненіе Гриммо-

⁴⁴) Grimm, Deutsche Gram. II, стр. 193 и 421.

⁴⁵) Pott, Etym. Forsch. I, 774 и слѣд. «Solūm Osce totum et solidum significat Festus».

ва закона дѣлаетъ даже для новичка невозможнымъ отождествленіе этихъ формъ. Whole, дѣйствительно, въ значеніи *здороваго*, есть то же, что и hale. Оба слова существуютъ въ Анг.-Сакс. языкѣ въ формѣ hāle, въ Гот. hail, Нѣм. heil.⁴⁶⁾ Но начальная придыхаемая въ А.-Сакс. или Гот. языкѣ предполагаетъ глухую согласную въ Греческомъ языкѣ, такъ что, еслибы это слово и существовало въ Греческомъ языкѣ, то не иначе, какъ въ формѣ kólos.

Въ словѣ hólos придыханіе указываетъ на первоначальное s въ Санскритѣ и Латинскомъ языкѣ, и hólos было поэтому совершенно вѣрно отождествлено съ Санскр. sarva и лат. salvus и sollus, въ sollers, sollemnis, solli-ferreus и т. п.

Одной изъ самыхъ безспорныхъ этимологій считалось отождествленіе формъ God (Богъ) и good (добрый). По датски god значить добрый; но звуковое совпаденіе англійской и датской формъ—чистая случайность; эти два слова нигдѣ не смѣшиваются и существуетъ различіе во всѣхъ нарѣчіяхъ германской вѣтви. Какъ въ Англ. мы имѣемъ God и good, такъ и въ А.-Сакс. God и Gōd; въ Гот. Guth и Gōd; въ Др.-В.-Нѣм. Got и Gout; въ Нѣм. Gott и gut; въ Датск. Gud и god; въ Голланд. God и goed. Хотя невозможно представить удовлетворительной этимологіи ни одной, ни другой формы, но очевидно, что два слова, которыя идутъ чрезъ всѣ эти нарѣчія, ни разу не смѣшиваясь, не могутъ быть возведены къ общему началу. God было, по всей вѣроятности, языческое имя божества, а предполагаемое въ этомъ имени этимологическое значеніе *добраго*—было бы слишкомъ современно, слишкомъ отвлеченно, слишкомъ христіанское.⁴⁷⁾ Въ Древне-Норвежскомъ языкѣ God, дѣйствительно, встрѣчается въ смыслѣ каменнаго изображенія, идола, и въ этомъ случаѣ—средняго рода, между тѣмъ какъ въ мужескомъ родѣ, въ томъ же языкѣ, оно зна-

⁴⁶⁾ Grimm, Deutsche Grammatik, I, стр. 398 и 394.

⁴⁷⁾ Въ Цыганскомъ языкѣ devel, Богъ, можетъ быть сведено съ Санскр. deva. Kuhn, Beiträge I, стр. 147. Pott, Die Zigeuner, II, стр. 311.

чить *Боги*. Когда же, послѣ обращенія въ Христіанство, Тевтонскія расы стали употреблять слово *God* для обозначенія истиннаго Бога, какъ это сдѣлали и Романскія племена, удержавши языческое *Deus*, въ Др.-В.-Нѣм. языкѣ мы встрѣчаемъ новое слово, которымъ стали обозначаться ложные боги или идолы. Они назывались *arcot*, какбы *экс-боги*, заштатные боги. Теперешнее нѣмецкое слово, обозначающее идола, *Götze*, есть лишь видоизмѣненіе формы *God*, и сложное *Oelgötze*, употребляемое въ томъ же смыслѣ, дѣйствительно, указываетъ на древніе каменные идолы, передъ которыми, въ старину, горѣли лампы и дымились благовонія. Лютеръ, переводя одно мѣсто въ пятой книгѣ Моисея (вы должны испровергнуть каменные изображенія ихъ боговъ, 12, 3) употребляетъ выраженіе: «*die Götzen ihrer Götter.*»

То, что случается въ различныхъ нарѣчіяхъ, можетъ имѣть мѣсто и въ одномъ и томъ же языкѣ; а это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію нашего четвертаго и послѣдняго положенія.

4. Различныя слова могутъ принимать одну и ту же форму въ одномъ и томъ же языкѣ.

Тѣ же самыя причины, по которымъ совершенно различныя по происхожденію слова получаютъ одинаковую, или почти одинаковую звуковую форму въ Англійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, могутъ произвести подобное сліяніе двухъ словъ въ одномъ и томъ же языкѣ. Если при этомъ взять во вниманіе всѣ особенности въ произношеніи и грамматикѣ каждаго нарѣчія, то окажется, что два различныя по происхожденію слова могутъ принимать одинаковую звуковую форму въ одномъ и томъ же нарѣчіи гораздо чаще, чѣмъ въ различныхъ нарѣчіяхъ. По всему бы слѣдовало, что эти случаи сліянія словъ чаще всего должны встрѣчаться въ новѣйшихъ языкахъ, такъ какъ они могутъ быть объяснены лишь процессомъ звуковаго искаженія, безостановочнымъ стираніемъ всѣхъ шереховатостей слова. Многія латинскія слова различаются между собою одними окончаніями; эти окончанія обыкновенно отбрасываются въ новѣйшихъ

Романскихъ нарѣчійхъ, и слѣдствіемъ этого, бываетъ то, что слова не различаются больше въ звукѣ. Такъ *povus* въ Лат. языкѣ значить *новый*, *povet*—девять; утерявши окончанія, оба слова сливаются въ фр. формѣ *neuf*. *Suum*, *его*, по фр. произносится *son*; *sonum*, *звукъ*, тоже выговаривается *son*. Подобнымъ же образомъ *tuum*, *твой*, и *tonus*, *звукъ*, *тонъ*, сливаются въ *ton*; фр. *feu*, огонь, есть лат. *focus*; *feu*, покойникъ, собственно—не латинское слово; по крайней мѣрѣ, если оно и произведено отъ латинскаго слова, то самымъ варварскимъ способомъ. Въ Испанскомъ языкѣ мы имѣемъ формы *somos*, *sois*, *son* (есмы, есте, суть), гдѣ *sois* стоитъ неправильно вмѣсто лат. *estis*; въ томъ же языкѣ существуетъ герундій *siendo*, что можно принять за варварскую лат. форму *essendo*; подобнымъ же образомъ могло образоваться и въ Фр. языкѣ прошедшее причастіе *fuitus*, отъ лат. прошедшаго *fui*, я былъ; а отсюда уже могло образоваться фр. *feu*, покойный, блаженной памяти. Оттого-то говорятъ: *feu la reine*, и *la feue reine*.

Иногда даже случается, что три латинскихъ слова сливаются въ одно французское, по произношенію. Звукъ *мер* имѣетъ въ Французскомъ языкѣ три различныхъ значенія; оно значить: *море*, *мать* и *городской голова*. Предположимъ теперь, что Французскій языкъ вовсе не зналъ письменности до настоящаго времени, и что Ново-Зеландскіе миссіонеры впервые дали письмо этому языку: не сдѣлали бы они того же, что дѣлали наши латинскіе и греческіе лексикологи, т. е. не выставили бы они подъ словомъ *мер* трехъ различныхъ значеній, не имѣющихъ между собою ровно ничего общаго? Конечно, это одно изъ преимуществъ историческаго способа правописанія, что Французы могутъ различать на письмѣ эти три формы: *la mer*, *mare*, *le maire*, *majör*, *la mère*, *mater*; но если эти слова не производятъ путаницы въ быстромъ разговорѣ, то не думаю, чтобы они могли сколько нибудь затруднить пишущаго или читающаго даже и при звуковой системѣ правописанія.

Есть случаи сліянія четырехъ и пяти словъ, латин-

скаго происхожденія, въ одно французское. Ver, червякъ, по-латыни vermis; vers, стихъ, лат. versus; verre, стекло, стаканъ, лат. vitrum, vert, зеленый, лат. viridis; vair (мѣхъ, пустая рухлядь), лат. varius. Нѣтъ также никакой разницы въ произношеніи фр. словъ: mai (Май, лат. majus), mais (но, лат. magis), mes (мои, лат. mei), и la maie (квашня, быть можетъ, отъ лат. maetra, а вѣрнѣе отъ греч. magis, magidos, квашня, ни между cent (сто, centum), sans (безъ, sine), sent (чувствуетъ, sentit), s'en въ выраженіи il s'en va (inde) и sens (чувство, sensus и sentio).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда два слова сливаются не только въ произношеніи, но и на письмѣ, не было недостатка въ попыткахъ объяснить одно значеніе изъ другого. Louer, на примѣръ, значить *хвалить*, но оно значить также—отдавать въ наемъ; последнее значеніе объясняли тѣмъ, что люди, обыкновенно, хвалятъ то, что отдаютъ въ наемъ. Также поступили и съ fin, тонкій, и fin, конецъ, на томъ основаніи, что *конецъ* можетъ выражать, между прочимъ, и тончайшую часть предмета (напр. *кончикъ* ножа). Но, въ первомъ примѣрѣ, louer, отдавать въ наемъ, и louer хвалить, оба произошли отъ латинскихъ словъ: одно отъ laudare, другое отъ laudare. Во второмъ примѣрѣ намъ представляется случай указать на другую причину смѣшенія словъ во Французскомъ языкѣ. Два слова, одно латинскаго, другое германскаго происхожденія, встрѣчаются на нейтральной французской почвѣ, и сбросивши свои родныя оболочки, перестаютъ отличаться другъ-отъ-друга. То же примѣнимо и къ фр. causer. Въ одномъ значеніи, это—лат. causare (причинять); въ другомъ—др. нѣм. chôsôn, теперешнее kosen (бесѣдовать). Такъ какъ Французскій языкъ заимствуетъ не только изъ Нѣмецкаго, но и изъ Греческаго, то насколько не будемъ удивлены, открывши въ le page греч. raïdion, мальчикъ, между тѣмъ какъ la page—лат. pagina, страница или листокъ.

Есть, впрочемъ, и такіе случаи, въ которыхъ французскія, итальянскія и испанскія слова, не смотря на ви-

димую разнохарактерность связанныхъ съ ними значеній, должны быть возведены къ одному, общему началу. *Voler*, летѣть, есть, очевидно, лат. *valare*; но *voler*, летать, требуетъ, съ перваго раза, иной этимологii. Но ни въ Латинскомъ, ни въ Греческомъ, ни въ Кельтскомъ, ни въ Нѣмецкомъ языкѣ мы не найдемъ простаго слова, отъ котораго можно было бы произвести форму *voler* въ послѣднемъ его значеніи. Мы видѣли, какъ двойное произношеніе одного и того же слова въ Латинскомъ языкѣ пораждало двѣ различныя формы въ Французскомъ языкѣ; подобное же двоеніе словъ мы должны допустить и въ значеніи ихъ. Никого не удовлетворило бы, конечно, ни на чемъ не основанное предположеніе, будто воръ потому называется *volator*, что отъ своихъ преслѣдователей летитъ какъ птица. Но Профессоръ Diez указалъ, что по-др.-французски воровать — *embler*, позднѣйшая форма средне-лат. *imbulare*, встрѣчающагося напр. въ *Lex Salica*. Это *imbulare* есть настоящее латинское *involare*, прилагаемое къ низлетающимъ птицамъ,⁴⁸⁾ къ мужчинамъ и женщинамъ, бросающимся другъ-на-друга въ бѣшенствѣ⁴⁹⁾, къ солдатамъ, нападающимъ на непріятеля⁵⁰⁾, и наконецъ къ ворамъ, накидывающимся на чужую вещь.⁵¹⁾ Это же *involare* въ Итальянскомъ языкѣ значить *воровать*, а въ Флорентинскомъ нарѣчii произносится даже *imbolare*, какъ фр. *embler*. Оно-то и сократилось, съ значеніемъ *накинуться*, въ фр. *voler*. *Voler*, слѣдовательно, значить первоначально не *улетать*, а, напротивъ, *налетать*, какъ и лат. *impetus*, нападеніе, образовавшееся изъ корня *pat*, летать (въ Санскритѣ), откуда мы произвели *penna* и *feather*. Полный сводъ французскихъ словъ этого рода былъ изданъ М. Е. Зла-

⁴⁸⁾ «Neque enim debent (aves) ipsis nidis involare, ne, dum adsiliunt, pedibus ova confringant.» Col. 8, 3, 5.

⁴⁹⁾ «Vix me contineo, quin involem in capillum, monstrum,»—Ter. Eun. 5, 2, 20.

⁵⁰⁾ «Adeoque improvisi castra involavere.»—Tac. His. 4, 33.

⁵¹⁾ «Remitte pallium mihi meum quod involasti.» Cat. 25, 6.

Всѣ эти выраженія взяты изъ «Latin—English Dictionary,» White и Riddle'a, —трудъ, заслуживающій полнѣйшаго довѣрія, такъ старательно и обдуманно сгруппированы всѣ значенія словъ, одно вытекаетъ изъ другаго.

тогорскимъ подъ заглавiемъ »Essai d'un Dictionnaire des Homonymes de la Langue Française» (Leipzig, 1862); подобный же словарь можетъ быть составленъ и для Англійскаго языка, потому что въ немъ не только романскія слова, различныя по происхожденiю, слились по формѣ, но то же случилось и со многими сакскими словами; мало этого, — не рѣдко мы встрѣчаемъ сакскія слова, совершенно слившіяся по формѣ съ словами романскаго происхожденiя. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

I. to blow. А.-Сакс. blāwan, вѣтеръ дуетъ,
to blow. » blōwian, цвѣтокъ цвѣтеть,
to cleave. » clifian, воткнуть,
to cleave. А.-Сан. clúfan, расщепить,
a hawk. ha fuc, нѣм. Nabicht, ястребъ,
to hawk. нѣм. hōken, торго-

вать по мелочамъ,

to last. » gelaestan, медлить,
last. » latost, послѣднiй,
last. » hlaest, тяжесть,
last. » lást, колодка (сапожника),
to lie. » liegan, лежать,
to lie. » leogan, лгать,
ear. » eāre, ухо, лат. auris,
ear. » eāre, колосъ, Гот. ahs, нѣм.
Aehre.

II. count. Лат. comes,
to count. » computare,
to repair. » reparare,
to repaire. » repatriare,
tense. » tempus,
tense. » tensus,
vice. » vicium,
vice. » vice,

III. corn, А.-Сакс. corn, хлѣбъ (въ зернѣ),
corn, Лат. cornu, рогъ, мозоль,
sage, А.-Сакс. selwige, шалфей (растенiе),
sage, Лат. sapius
to see, А.-Сакс. seohan, смотрѣть,

see, Лат. sedes, стулъ,
 scale, А.-Сакс. scalu, чашка (въсовъ),
 scale, А.-Сакс. scealu, чешуя,
 scale, Лат. scala, лѣстница,
 sound, А.-Сакс. sund, здоровый,
 sound, Др.-Фв. sund (of the sea), отъ swimman,
 sound, Лат. sonus, звукъ,
 sound, Лат. subundare, зондировать⁵²⁾.

Хотя число этихъ однозвучныхъ словъ растеть, какъ я уже замѣтилъ, вмѣстѣ съ фонетическимъ искаженіемъ, но они встрѣчаются также и въ языкахъ, которые мы привыкли называть древними. Собственно говоря, нѣтъ между этими языками ни одного такого древняго, чтобы внимательный глазъ изслѣдователя не могъ открыть за нимъ его, еще болѣе отдаленнаго прошедшаго. Въ Латинскомъ, въ Греческомъ языкѣ, даже въ Санскритѣ, фонетическое искаженіе уже оставило свои слѣды, смягчивши первоначальную жесткость языковъ и давши тѣ же результаты, какіе мы наблюдали только что въ Англійскомъ и Французскомъ языкахъ. Такъ лат. est не только соотвѣтствуетъ Санскр. asti, греч. esti (есть), но стоитъ также вмѣсто Лат. edit (ѣсть). Теперь, такъ какъ и въ Нѣмецкомъ языкѣ ist имѣетъ два значенія, хотя и различныя на письмѣ (isst=ѣсть), то не мало было сдѣлано попытокъ объяснить вспомогательный глаголъ изъ корня первоначально значившаго *ѣсть*, на томъ же основаніи, что питаніе есть главный признакъ существованія.

Греч. ἰδς значить *стрѣла* и *ядъ*; и тутъ пытались вывести одно значеніе изъ другаго.⁵³⁾ Хотя эти два слова встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ Греческаго языка, каждое изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, должно быть возведено къ особому началу. Это можно видѣть

⁵²⁾ Большое количество подобныхъ словъ собрано у Mätzner' a, въ его Englische Gram., I, стр. 187; Koch, Historische Grammatik der Englischen Sprache, I, стр. 223.

⁵³⁾ Замѣчательно совпаденіе формъ τοῖξον, лукъ, и τοῖξικόν, ядъ для стрѣлы (откуда Англ. intoxication, опьяненіе).

въ Санскритѣ, гдѣ стрѣла называется *ishu*, между тѣмъ какъ ядъ—*visha*, лат. *virus*. Эти двѣ формы, *isha* и *visha*, должны были слиться въ Греческомъ языкѣ въ *ἴσς*, по двумъ свойственнымъ ему законамъ, изъ которыхъ одинъ требуетъ выпаденія шипящей между двумя гласными, а другой—потери начального *v*, такъ называемой дигаммы.

Есть въ Санскритѣ три корня, которые въ Греческомъ языкѣ всѣ приняли одну форму, и только справка со сродными нарѣчіями даетъ возможность возвести ихъ къ тремъ различнымъ началамъ. *Nañ* въ Санскр. значить *связывать*; *snu*—*течь*, *плыть*, *nas*—*приходитъ*. Всѣ три корня въ Греческомъ языкѣ являются въ формѣ *νέο*.

Нéο, буд. *nēsō* (Скр. *नान*) значить *прясть* (ср. *снова́ть*), первоначально—*связывать*; это—нѣм. *nähen*, *шить*, лат. *perere*. Здѣсь мы видимъ только потерю первоначального придыханія *h*, которое, впрочемъ, удержалось въ формѣ *nēthō*, *шью*; въ Латинскомъ языкѣ также остались слѣды его существованія; с въ *пéсто* предпологаетъ первоначальное *h*.

snu, *snauti*, *течь*, въ Греческомъ языкѣ является въ формѣ *νέο*. Оно стоитъ вмѣсто *sneFō*. *S* отпало въ *mikros* вм. *smikrós*,⁵⁴⁾ дигамма тоже исчезаетъ, какъ и всегда, между двумя гласными. Она, впрочемъ, остается, какъ только очутится передъ согласною. Оттого-то будущее *neúsomai*, аор. *'éneusa*. Отъ этого корня, или, точнѣе, отъ болѣе простаго первичнаго корня *nu*, Арійскіе языки образовали слово для обозначенія корабля, въ Санскр. *navs*, *nāvas*; въ Греч. *naūs*, *νῆος*; въ Лат. *navis*; отсюда же образовались слова, обозначающія *снѣгъ*, *гом.* *snaivs*, лат. *nix*, *nivis* (ср. *vivo*, *vixi*). Вторичною формою отъ *nu* или *snu* было Санскр. *snavaayati* (дѣйствит. зал.), соотвѣтствующее лат. *perere*, что, въ свою очередь разрослось въ *natare*. Черезъ прибавленіе гортанной получимъ греч. *nēchō*, *плаваю*, откуда *nēsōs*, *островъ*, и

⁵⁴⁾ Ср. Mehlhorn, § 54. Также *σφάλλω*, fallo: *σφόγγος*, fungus. Festus приводитъ въ Лат. *smitto* и *mitto*, *stritavus* и *tritavus*.

Náchos, извѣстный островъ. нѣм. Nachen обнаруживаетъ то же стремленіе къ замѣщенію у гортанною.

Третій корень въ Санскритѣ—nas, приходитъ, nasati въ Ведахъ. Здѣсь намъ приходится лишь примѣнить греческій звуковой законъ, по которому s должно выпасть между гласными; и какъ предъидущее правило, касательно дигаммы, изъ néFō сдѣлано нѣō, такъ и это вмѣсто первоначальнаго néso даетъ нѣō. Притомъ, какъ въ первомъ примѣрѣ устраненіе причины устраняетъ и слѣдствія—дигамма снова являлась, какъ только очутится передъ согласною,—такъ и въ настоящемъ примѣрѣ s появляется снова, какъ скоро за нимъ слѣдуетъ согласная, напр. въ nostos, возвращеніе, отъ néesthai.

Итакъ, если настоящей этимологіи нѣтъ никакого дѣла до звука, то какого другаго метода держаться намъ, если мы хотимъ придать точность нашему словопроизводству? Отвѣтъ на это—найти законы, управляющіе измѣненіями звуковъ. Еслибы это была чистая случайность, что первоначальное слово, означавшее слезы, въ Санскритѣ приняло форму aśru, въ Греческомъ языкѣ dákru, ласгима въ Латинскомъ, tagr въ Готскомъ, то научная обработка этимологіи была бы невозможна. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Не смотря на видимое несходство словъ, обозначающихъ слезы, въ Англійскомъ и Французскомъ языкахъ, въ пропасти, разделяющей tear и larm, нѣтъ и одного вершка, черезъ который не могла бы перекинуть моста сравнительная Филологія. Мы вѣримъ поэтому—по крайней мѣрѣ, пока намъ не докажутъ противнаго—что развитіемъ языка, какъ и всякаго другаго произведенія природы, управляетъ законъ и порядокъ, и что измѣненія, замѣчаемые нами въ исторіи человѣческой рѣчи, вызываются общими, подлежащими опредѣленію, законами.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1.) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ, по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзіи, Исторіи Литературы; — будутъ помѣщаться даже цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ; — разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія; — разныя методы и программы; — указанія на различія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч. — словомъ, это будетъ обмѣнъ мыслей между преподавателями.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛЮГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго, — (народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ съ краткими указаніями относительнаго достоинства ихъ, и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографія, сравнительной мифологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются
въ **ВОРОНЕЖѢ**.

Цѣна годовому изданію **6 руб.**

Подписка принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ, также въ книжныхъ магазинахъ—Никитина, Семенова и Кашкиной;

въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ**: въ книжныхъ магазинахъ —
И. И. Глазунова, Я. А. Исакова;

въ **МОСКВѢ**: въ книжныхъ магазинахъ—**Ө. И. Салаева,**
А. И. Глазунова, И. Г. Соловьева и **И. И. Кольчугина;**

въ **ХАРЬКОВѢ**: въ книжномъ магазинѣ—**А. П. Скалона;**

въ **КАЗАНИ**: въ книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина.**

въ **ОДЕССѢ**: въ книжномъ магазинѣ **Г. И. Бѣлаго.**

Въ Редакціи имѣются слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1862—1863 и 1864 годы. Цѣна за каждый годъ по **6 р.** за 1865 г. **3 р.**, за 1866 г. **5 р.**, за 1867 г. **6 р.**

Опытъ Элементарнаго Руководства при изученіи Русскаго языка практическимъ способомъ—**Элементарная Грамматика. КУРСЪ 1-й и 2-й.** **К. Говорова.** 1867 г. 5-е, исправленное изданіе. Цѣна за экземпляръ 50 коп. серебромъ.

3-й Курсъ Элементарной Грамматики — Спитакенсъ, **К. Говорова.** 1867. 4-е, исправленное изданіе. Цѣна 50 коп. Вѣсовыя по разстоянію.

Система Языковѣдѣнія, Гейзе. Часть I. Перев. съ нѣм. **И. Желтова.** 1864. Цѣна за экз. 2 руб. съ перес.

Юморъ въ сравненіи съ Сатирой, **Н. Попова.** 1864. Цѣна 30 к. за экз. съ пересылкою.

Происхожденіи языка, Э. Ренана. Перев. съ фр. **А. Н. Чудинова.** 1866. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Краткое Руководство къ изученію прозаическихъ сочиненій, **М. Ө. де-Пуле.** 1866 г. Цѣна 50 к. Вѣсовыя по разстоянію.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ **К. Медвѣдева** и **Н. Артемьева.** 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Издатель и Редакторъ **А. Хованскій.**

Дозволено Ценсурой. Москва. 5 Іюня. 1868 г.